

© 2011 г.

А.И. СИЗОНЕНКО

РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПРИЗНАНИЯ К ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ (вторая половина XIX – начало XX века)

Активизация в последние годы российско-латиноамериканских отношений, наиболее заметным событием в которых стали посещения Президентом РФ Д.А. Медведевым четырех стран Латинской Америки в ноябре-декабре 2008 г., серия официальных визитов в Россию латиноамериканских президентов и юбилейных годовщин привлекают внимание не только к настоящему, но и к прошлому этих отношений, их истокам, традициям, общему их духу¹.

Страны Латинской Америки видели в установлении отношений с Россией возможность для существенного укрепления своих международных позиций, собственного суверенитета, Россия же получала выход на новые рубежи и рынки. Взаимное сближение облегчалось отсутствием между сторонами каких-либо споров или конфликтных ситуаций, отсутствием у нашего государства колониальных устремлений в этом регионе.

Приход к власти в 1855 г. Александра II и влияние канцлера А.М. Горчакова привели к смене внешнеполитических ориентиров России. Поражение в Крымской войне и стремление правящих кругов России к расширению ее международных горизонтов обусловили поворот и в отношении Латинской Америки.

Первой в налаживании отношений с Россией стала Венесуэла. В марте 1856 г. к Александру II обратился с посланием президент Венесуэлы Х. Монагас. Кратко обрисовав ситуацию в стране и ее политику, президент выразил надежду, что царь “благогосклонно примет ее (т.е. Венесуэлы) желание открыть взаимные, торговые и дружественные отношения между обоими государствами”². Дальнейшие переговоры проходили через посольства России и Венесуэлы в Париже под непосредственным руководством и контролем А.М. Горчакова. Еще в октябре 1856 г. он просил посла России во Франции Ф.И. Бруннова сообщить посланнику Венесуэлы Ф. Корвайю, что российская сторона готова пойти навстречу предложению Х. Монагаса. Канцлер увязывал установление отношений с целесообразностью развития взаимной торговли, обмена консулами, равных прав в мореплавании. 5 февраля 1857 г. Александр II в послании Монагасу заявил: “Мы с удовольствием изъявляем Вам уверение в готовности нашей содействовать всему, что может упрочить приязнь между нашими подданными и Республикой Венесуэла”. Письмо это было переслано Горчаковым с его собственным письмом лично Корвайю. Спустя два дня в письме к новому послу России в Париже П.Д. Киселеву А.М. Гор-

Сизоненко Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

¹ Вопрос об истории российско-латиноамериканских связей был более или менее исследован на примерах Бразилии, Аргентины и Мексики, чему посвящена немалая литература. Мы же остановимся на становлении отношений Венесуэлы, Колумбии, Чили, Парагвая и республик Центральной Америки с Россией.

² Россия – Венесуэла. Документы и материалы. М., 1997, с. 12.

чаков констатировал: “Итак, признание императорским правительством государства Венесуэла состоялось и ничто более не препятствует прямым торговым отношениям между обеими странами”. Отвечая Киселеву, Корвайо с удовлетворением отмечал, что “с признанием нашей Республики императорским правительством, отношения между обеими странами действительно установились”³. Так как обмен посольствами в дальнейшем не состоялся (это произошло только в 1945 г.), в данном случае следует говорить именно о признании Россией Венесуэлы, а не установлении дипломатических отношений.

В дальнейшем все венесуэльские послания проходили через Горчакова, именно он представлял их царю. Горчаков лично сообщил в МИД Венесуэлы, что Александр II отдал распоряжение принимать венесуэльские суда в российских портах и что он признает консулов, назначаемых Президентом Венесуэлы. Тем самым снимались возможные препоны на пути будущей торговли двух стран.

Отмечая заслуги Горчакова, президент Венесуэлы в 1879 г. наградил российского дипломата медалью с изображением Боливара. “Медаль эта самая почетная, – писал министр иностранных дел Венесуэлы Х. Висо А.М. Горчакову, – которой Венесуэла может располагать, составляя высшую награду ее главных деятелей и высшее отличие за доблестные заслуги”⁴. В 1880 г. консулом Венесуэлы в Петербурге был назначен почетный гражданин российской столицы, известный часовщик П. Буре. В ноябре 1880 г. он был признан специальным постановлением Сената в своих полномочиях.

В декабре 1857 г. Александр II в послании президенту Уругвая Г. Перейра ответил согласием на его предложение от 9 сентября 1857 г., письмо Перейры было передано через российское посольство в Париже, установить дружественные отношения между Уругваем и Россией⁵.

Более конкретные шаги были сделаны Россией в направлении Перу, считавшейся в середине XIX в. одним из крупнейших и богатых государств Южной Америки. В начале марта 1874 г. в Петербург прибыл Х.А. де Лаваль, назначенный посланником (по совместительству) Перу в России. 4 марта он вручил верительные грамоты. На следующий день Лаваль был принят Горчаковым. Посланник сообщил канцлеру, что целью его миссии является установление прямых отношений между Перу и Россией, их укрепление и расширение путем подписания договора о мире, дружбе, торговле и мореплавании и других международных актов. Лаваль просил ускорить процедуру подписания такого договора. Канцлер пошел навстречу, и в начале мая 1874 г. стороны такой договор подписали, первая статья его гласила: “Между Российской империей и перуанской республикой и между гражданами обеих государств будет вечный мир и дружба”⁶.

В конце 90-х годов XIX в. были установлены дипломатические отношения между Россией и Боливией: 9 августа 1898 г. в Петербурге вручил верительные грамоты посланник Боливии во Франции Ф. де Аргандонья, ставший посланником в Петербурге (по совместительству)⁷.

Именно Россия в 1907 г. пригласила на Международную конференцию мира в Гааге страны Латинской Америки: в ее работе участвовали делегации Аргентины, Бразилии, Чили, Кубы, Гватемалы, Никарагуа, Сальвадора и Доминиканской республики. Конференция была особо отмечена тесными контактами российских и латиноамериканских дипломатов. Как отмечал глава российской делегации А.И. Нелидов, латиноамериканцы “считают Россию своей главной покровительницей в Европе”⁸.

³ Там же, с. 17, 18, 19.

⁴ Там же, с. 25.

⁵ СССР – Уругвай. 60 лет дипломатических отношений. М., 1988, с. 139.

⁶ Цит по: *Шур Л.А.* Россия и Латинская Америка. М., 1964, с. 88.

⁷ *Сизоненко А.И.* Миссия Ф.М. Аргандоньи в Петербург. – Латинская Америка, 1995, № 10.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Политархив, 1907, д. 4968, л. 112.

После конференции появились благоприятные возможности для налаживания отношений и с другими государствами этого региона, в первую очередь Чили. Страна эта была уже достаточно хорошо знакома как русским дипломатам, так и отечественным мореплавателям. Посланник России в Аргентине А.С. Ионин отмечал, что порты Чили “могут представить для нас существенный интерес... где в случае нужды наши корабли могли бы найти уголь и съестные припасы”⁹. Посланник России в Бразилии М.Э. Прозор¹⁰ в донесении в Петербург писал, что чилийская дипломатия в Гааге “содержит самую высокую и удовлетворяющую похвалу”, и отмечал особенно ее “решительное стремление к миру и согласию, которые господствуют в Чили с первой зари ее независимости”. Российское правительство не стало откладывать дело в долгий ящик и уже 22 января 1909 г. М.Э. Прозор вручил верительные грамоты президенту Чили Г. Монтону. В отчете об этом Прозор писал, что соответствующие речи с обеих сторон отличались “большой предупредительностью и сердечностью”. Президент подчеркнул, что с установлением дипломатических отношений “существовавшая всегда между Чили и Россией дружба станет более тесной”, и выразил пожелание, чтобы российский посланник находился в Сантьяго не менее двух месяцев в году¹¹. Столичная “Уньон” отмечала, что выступление Прозора было далеким от обычных в таких случаях дипломатических стереотипов и стало “важным документом, приобретающим отсюда еще большее значение”¹².

Следует обратить внимание на то, что Россия в деле установления отношений пошла навстречу Чили. Обычно первыми вручали грамоты дипломаты, которые аккредитовывались в России. Назначенный посланником в Россию (по совместительству) посланник Чили в Берлине Матэ заболел и не смог вовремя вручить свои грамоты. Российское правительство с пониманием отнеслось к сложившимся обстоятельствам и согласилось на первоначальное вручение грамот Прозором. Матэ вручил верительные грамоты Николаю II 30 апреля 1909 г.

Параллельно Прозор ратовал за установление российско-парагвайских отношений. В июле 1908 г. ему сообщалось, что руководство МИД не видит препятствий для высылки ему верительных грамот для их вручения в Парагвае, однако просило проинформировать об устойчивости внутривнутриполитического положения в этой стране, упомянув, что Россия еще в 1904 г. выражала принципиальное согласие на установление отношений с Парагваем. 1 декабря 1908 г. М.Э. Прозор в письме министру иностранных дел А.И. Извольскому отметил стабильное положение в Парагвае, высказался за развитие с ним торговли и устранение в этом деле посредников (особый интерес парагвайского экспорта представлял квебраховый экстракт для кожевенной промышленности)¹³.

24 апреля 1909 г. М.Э. Прозор вручил верительные грамоты президенту Парагвая Г. Наваро. Сообщая об этом событии, Прозор отметил, что его выступление было выдержано “в духе Гааги, так как эта база для нас самая выгодная... Россия выступила в данном случае в своей исторической со времени Екатерины II роли поборницы начал международного права, среди которых равенство держав и безусловное уважение их верховных прав”¹⁴.

В ответной речи, как писал Прозор, Наваро заверил, что Россия может в полной мере полагаться на его правительство при выполнении своих задач. Он отметил роль России в Гааге по сближению наций обоих континентов.

⁹ Носков В.В. Латинская Америка в планах русского флота. – Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста. СПб., 2009, с. 63.

¹⁰ До Первой мировой войны посланники российской миссии в Бразилии по совместительству являлись посланниками и в ряде других стран Южной Америки.

¹¹ АВПРИ, ф. 133, Канцелярия, оп. 113, д. 114, л. 12, 14.

¹² Union, Santiago, 6.II.1909.

¹³ АВПРИ, ф. 133, Канцелярия, оп. 470, д. 114, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 46об, 51.

26 мая 1902 г., спустя всего шесть дней после провозглашения независимости Кубы, ее президент Т.Э. Пальма направил грамоту Николаю II с выражением твердого намерения “сохранить самые тесные и сердечные отношения дружбы со всеми государствами, и в частности с правительством и народом России”. 6 июля 1902 г. Николай II в ответном послании изъявил “полную готовность всегда содействовать всему, что может установить приязнь между нашими подданными и Кубинской Республикой”¹⁵. Признание Россией Кубы дополнилось в дальнейшем назначением консульских представителей с обеих сторон.

В XIX – начале XX в. аналогичный процесс проходил и в отношениях России с республиками Центральной Америки – Коста-Рикой, Гватемалой, с Великой Республикой Центральной Америки (объединявшей тогда Гондурас, Никарагуа и Сальвадор), последняя обратилась к России с предложением наладить политические и торговые отношения, придав им дружеский характер. В лице России главы центральноамериканских государств видели (и это не раз подчеркивалось в их посланиях) важного гаранта упрочения их внутривосточного и экономического положения, а также международных позиций. В свою очередь благосклонное отношение Петербурга к нормализации отношений с государствами этого региона в немалой степени объяснялось стремлением России расширить внешнеполитические горизонты, восстановить и поддерживать статус великой европейской державы.

Первой из стран Центральной Америки, выступившей за налаживание отношений с Россией стала Коста-Рика. 7 мая 1870 г. министр иностранных дел этой страны Л. Монтуфар направил письмо А.М. Горчакову, в котором сообщал о том, что правительством Коста-Рики будет стремиться развивать и устанавливать отношения со странами, с которыми их у нее пока нет. К своему письму он приложил послание президента Коста-Рики Б. Каррансы с пожеланиями счастья и процветания Александру II и России¹⁶.

Но эти первые обращения в 1870 г. из Коста-Рики не “сработали”. Ответа с российской стороны не последовало. Тогда новый президент Коста-Рики Т. Гуардиа в мае 1872 г. вновь написал Александру II. Сообщив, что он стал главой государства, Гуардиа заявил, что намерен “развивать и укреплять политические и торговые связи с Российской империей... мне будет очень приятно, если Ваше Величество благожелательно отнесется к возведению меня в высший сан в государстве”. Спустя два месяца, уже в августе (по тем временам это было достаточно быстро), Александр II в ответном послании Гуардиа поздравил его с избранием на пост президента и выразил уверенность “в готовности нашей содействовать всему, что может упрочить приязнь между нашими подданными и республикой Коста-Рика”¹⁷. Так произошло признание Россией первой из центральноамериканских стран – Коста-Рики.

Октябрь 1876 г. стал весьма интенсивным месяцем в плане российско-гондурасских контактов. Сначала к Александру II обратился временный президент Гондураса М.А. Сото. Информирова о своем приходе к власти, Сото подчеркнул, что будет “считать за особенное удовольствие и величайшую честь” поддерживать с Россией “самые дружественные и благоприятные для Гондураса и Российской империи отношения”. Послание президента сопровождалось письмом министра иностранных дел Р. Росы А.М. Горчакову. В нем министр просил своего российского коллегу лично вручить письмо президента Гондураса императору. Тогда же в Петербург была направлена циркулярная записка правительства Гондураса. В этом довольно пространном документе обрисовывалась обстановка в Гондурасе, высоко оценивалась личность его президента Сото, говорилось о планах правительства Республики. Намекая на признание российской стороны, автор послания – министр иностранных дел Гондураса – выражал

¹⁵ Россия – Куба 1902–2002. Документы и материалы. М., 2004, с. 13, 18.

¹⁶ Отношения России со странами Центральной Америки во второй половине XIX века. Публикация документов. – Новая и новейшая история, 1972, № 4, с. 109.

¹⁷ Там же, с. 110, 111.

надежду, что правительство России “отнесется с благородным и живым интересом к положению Гондураса и к усилиям его граждан”.

Но на этот раз Горчаков не ограничился простой передачей “наверх” послания президента Гондураса, а написал 31 декабря 1876 г. доклад Александру II. Доклад свидетельствовал о непосредственном интересе Горчакова к Центральной Америке, его хорошем знании тамошней ситуации. В нем канцлер прежде всего отметил, что правительства республик Центральной Америки, включая Гондурас, в последнее время прекратили междоусобные войны и “направляют свои усилия к разработке естественных богатств и развитию торговли этих стран”, отметив при этом их удачное расположение между двумя океанами. Далее Горчаков обращал внимание на строительство Гондурасом железной дороги, которая свяжет берега этих океанов. Отсюда канцлер делал вывод, что Гондурас в силу этого может стать важнейшим центром международной торговли. Затем в докладе отмечалось, что Англия отказалась от своих притязаний на прибрежные острова Бай и передало их Гондурасу, что естественно укрепляло положение этой страны. В заключение Горчаков писал: “Осмеливаюсь испрашивать высочайшее разрешение признать Республику Гондурас и вступить с ней в сношения”¹⁸. Ознакомившись с докладом, царь поставил на его полях свою визу “С-ъ” (согласен).

Спустя неделю, 5 января 1877 г., Горчаков направил Роса письмо, в котором сообщал, что он, Горчаков, “не замедлил” представить Александру II послание Сото. Канцлер отмечал, что, “несмотря на временный характер” правительства Гондураса, он имеет “приятную обязанность” выразить этому правительству “удовлетворение, которое доставили государю императору уверения президента и министра иностранных дел Гондураса”. Горчаков в заключении подчеркивал, что император “постоянно проявляет интерес к будущему Республики и желает дальнейшего развития и упрочения отношений взаимопонимания между обеими странами”¹⁹. Признанием Гондураса Россия сделала еще один шаг на пути налаживания отношений с республиками Центрально-американского региона.

Отношения России с Гватемалой развивались наиболее интенсивно во времена президентства там выдающегося государственного деятеля этой страны Р. Барриоса.

“Реформы, проведенные правительством Руфино Барриосы – отмечает российский историк Н.С. Леонов, – позволили Гватемале превратиться в самое передовое по тому времени государство Центральной Америки. Богатство, сила и авторитет Гватемалы превращались в весомый фактор политической жизни региона”²⁰. Стремясь к укреплению внешнеполитического положения Гватемалы и исходя из своей политики объединения стран Центральной Америки, Барриос в марте 1880 г. направил послание Александру II, в котором подчеркнул свое стремление “сохранить и укрепить отношения, связывающие Гватемалу с дружественными нациями обеих частей света. Я буду счастлив осуществить эту важную задачу по отношению к Российской империи”. В сопроводительном к этому документу докладе министр иностранных дел Н.К. Гирс (сменивший Горчакова), писал Александру II: “Осмеливаюсь высказать мнение, что установление официальных сношений с теми из американских республик, которые существуют довольно продолжительное время, нельзя не признать вообще полезным”. Гирс мотивировал свое мнение тем, что эти республики уже присоединились к целому ряду международных договоров и “таким образом Россия косвенным путем уже входит с ними в общение, как с соучастниками в одном и том же международном соглашении”²¹. В заключение Гирс отмечал, что если император найдет нужным подготовить ответ Барриосу, то это “послужит вместе с тем признанием” Гватемалы.

¹⁸ Там же, с. 113, 114.

¹⁹ Там же.

²⁰ Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975, с. 125–127.

²¹ Новая и новейшая история, 1972, № 4, с. 115, 116.

13 мая 1880 г. царь направил послание Барриосе, в котором выразил готовность “действовать всему, что может упрочить приязнь между нашими подданными и Республикой Гватемалой”²². Правда, лишь спустя 11 лет, 21 марта 1891 г., президент назначил Ф. Круса посланником Гватемалы в Россию. В это время Крус находился в Европе и был готов вручить верительные грамоты. Министр иностранных дел Э. де Лейн просил Н.К. Гирса об аудиенции у Александра III для вручения посланником грамот²³. Гирс ответил, что передал письмо царю, который “благодарно отнесся к решению г-на президента Республики” и поручил сообщить об этом де Лейну, и что посланник Крус “может рассчитывать на самый сердечный прием” со стороны русского правительства²⁴.

Не остался вне поля зрения российской стороны и проект, и само строительство канала между двумя океанами через территорию Центральной Америки. Рассматривалась возможность создания российских военно-морских баз на подходах к Панамскому каналу. Однако после обсуждения этого вопроса в российском правительстве он был снят, ввиду его неактуальности для России. Кроме этого владельцы компании Панамского канала предложили России “приобрести участок земли” со стороны Атлантического или Тихого океана. В ответ МИД России предупредил морское министерство, что дела этой компании представляются “далеко не ясными”, поэтому к данному предложению “следует относиться с крайней осторожностью” и что под ним “быть может скрывается лишь денежная спекуляция на земельные участки”. В результате неясности этого предложения и нежелания России ухудшать свою репутацию в этом регионе оно в дальнейшем не обсуждалось²⁵. Таким образом, Россия избежала каких-либо возможных конфликтов в этом регионе.

Завершающим звеном в процессе налаживания Россией отношений со странами Центральной Америки стал обмен посланиями между Великой Республикой Центральной Америки и Николаем II. Первое из них было направлено в 1896 г. Собранием этой республики Николаю II с заверением “о своем твердом намерении” продолжать отношения, которые до этого были у каждой из этих стран с Россией.

В ответном послании 18 ноября 1896 г. царь заявлял о готовности “способствовать всему, что может упрочить приязнь между Россией и Союзом Великой Республики Центральной Америки”²⁶. Таким образом, были подтверждены уже ранее высказанные желания продолжать взаимоотношения.

Отметим, что форма признания Россией центральноамериканских республик – обмен посланиями на высоком уровне – хотя и носила официально-декларативный характер, но содержание всего этого процесса было взаимодоброжелательным, выражавшим настрой обеих сторон к налаживанию отношений. Условия того времени (слабые прямые контакты, практическое отсутствие торговых связей) не позволили, однако, наполнить более конкретным содержанием благие намерения обеих сторон.

Но есть примеры и более тесных контактов. Так, еще на заре освободительного движения народов Латинской Америки один из русских добровольцев Иван Минута в рядах их армии освобождал Панаму.

По Центральной Америке в 1874 г. русский ученый-климатолог А.И. Воейков совершил длительную поездку (1000 километровый переход верхом от Мексики до столицы Гватемалы). Оттуда он направился пароходом до Панамы, в его письмах на родину немало интересных страниц, посвященных этому региону. Путешествие Воейкова нашло отражение и в его фундаментальной работе “Климаты земного шара” (1884). Позднее, в 1880-е годы, в Центральной Америке побывал известный русский ученый-этнограф М.И. Венюков.

²² Там же, с. 116.

²³ В АВПРИ сведений о том, приехал ли Крус в Петербург и вручал ли он верительные грамоты, нет.

²⁴ Новая и новейшая история, 1972, № 4, с. 117–118.

²⁵ Носков В.В. Указ. соч., с. 60.

²⁶ Новая и новейшая история, 1972, № 4, с. 118.

Впрочем, образованный русский читатель знал о Центральной Америке не только из записок Воейкова, которые печатались в “Известиях Русского географического общества” в 1875 г. Любителям мировой литературы было хорошо известно имя и творчество никарагуанского поэта Рубена Дарио. И в странах Центральной Америки рос интерес к далекой России. Тот же Дарио перевел на испанский язык роман М. Горького “Фома Гордеев”. С XIX в. в Латинской Америке получает все бóльшую известность творчество Л.Н. Толстого. На его имя не раз приходили письма и из Центральной Америки. Одним из ярких свидетельств того же интереса к России стала книга “Rusia actual” (1906), принадлежавшая перу гватемальского писателя и журналиста Г. Каррильо. Попав в Петербург в начале 1905 г., он стал свидетелем начинавшейся русской революции и ярко написал обо всем увиденном в книге, проникнутой чувствами симпатии и солидарности с народом России.

Во второй половине XIX в. началось окончательное становление международных российско-латиноамериканских отношений, начали развиваться дипломатические, торгово-экономические и культурные связи, возникли первые ростки дружбы между народами России и стран Латинской Америки, не омрачавшиеся какими-либо конфликтами или сложностями. Эти обстоятельства в немалой степени способствовали их дальнейшему развитию уже после 1917 г.